

С. Г. Воркачѐв (Краснодар, Россия)

**«БЛАЖЕНСТВО» ИЛИ «СЧАСТЬЕ»:
МАКАРИЗМЫ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ ЕВАНГЕЛИЯ**

Исследуются канонический и «модернизированный» переводы евангельских текстов на русский язык, в которых сопоставляются макаризмы: лексемы, передающие в языке концепт счастья. Делается вывод о том, что «блаженство» и «счастье» как различные ипостаси фелицитарного концепта в фидеистическом дискурсе не являются полностью взаимозаменяемыми, поскольку первое отмечено принадлежностью к религиозному сознанию и включено в систему специфически теистических ассоциаций и представлений, ослабленных или не существующих вовсе в общенациональном языке.

Ключевые слова: блаженство, счастье, Евангелие, перевод, адекватность

S. G. VORKACHEV (KRASNODAR, RUSSIA). “BLISS” OR “HAPPINESS” IN RUSSIAN TRANSLATIONS OF GOSPEL. The canonical and the modernized translations of the Gospel texts into Russian are studied, the words expressing the concept of happiness are compared. “Bliss” and “happiness” are different hypostases of the same felicity concept in theological discourse. They are not completely interchangeable since “bliss” is marked by belonging to the religious consciousness and makes part of the specific theistic associations and representations which are weakened or do not exist at all in the common national speech.

Keywords: bliss, happiness, Gospel, translation, adequacy

Иностранный язык с полным правом считается основным инструментом межкультурной коммуникации (Тер-Минасова 2000), перевод – каналом, через который осуществляется взаимодействие языков и культур, а переводчик – бикультурным медиатором, который помогает в общении заполнять когнитивные и коммуникативные лакуны, возникающие при наложении языковых «картин мира» отправителя и получателя речи.

До недавних пор статус «непереводимого в переводе» (Влахов 1980) сохранялся лишь за случаями более или менее сильного отклонения оригинала от языковой нормы в сторону территориаль-

ных либо социальных диалектов (см.: Федоров 1983: 124), однако наблюдения за межъязыковой эквивалентностью имён так называемых «культурных концептов», понимаемых как вербализованные и этнокультурно отмеченные мировоззренческие смыслы высокой степени абстрактности, также свидетельствуют об ограничении здесь принципа переводимости: «ДУША», «ТОСКА», «ВОЛЯ», «УДАЛЬ» и пр. на другой язык не переводятся, а «транслируются» в иную лингвокультуру (см., например: Димитрова 2001), то есть, адаптируются к иной «апперцепционной базе» (Фрумкина 2001: 216). Действительно, при воспроизведении на иностранном языке лексического аналога соответствующего концепта («СЧАСТЬЕ»: *happiness, bonheur, felicidad* etc.) воспроизводится лишь «семантическая оболочка» последнего, образованная его дефиниционными признаками, позволяющими отличить этот концепт от смежных видовых образований и не более. Вся же собственно этнокультурная информация – совокупность специфических мировоззренческих представлений языковой личности – за пределы «языкового круга» конкретного этнического языка не выходит.

С общесемiotической точки зрения перевод как перекодирование может быть не только межъязыковым, но и внутриязыковым: «интерпретацией вербальных знаков с помощью других знаков того же языка» – перифразированием. И здесь любопытно проследить за поведением имён «культурных концептов», которые в интервале абстракции межъязыкового сопоставления отправляют к соответствующим синонимическим рядам (полям), образующим их план выражения. Сужение уровня абстракции при внутриязыковом сопоставлении, очевидно, приведёт к дезинтеграции синонимического ряда, к значимому расподоблению синонимов и, как следствие, к внутреннему делению самого концепта.

Перифразирование в межъязыковом переводе («вольный перевод», реферирование, «дайджестирование» как краткий пересказ) в строгом смысле переводом не является, поскольку на выходе не даёт текста, адекватного исходному семантически и стилистически. Внедрение в культурное пространство повторного перевода литературного памятника оправдано либо архаичностью существующих переводов, либо ущербностью технического или эстетического исполнения последних.

«Осовремененный» перевод евангельских текстов – «СЛОВО ЖИЗНИ» (Слово жизни 1993) и сводный текст четырех Евангелий на основе современного русского перевода Нового Завета – «КНИГА ЖИЗНИ» (Книга Жизни 2000), представляющий собой дайджестное переложение агиографической части Нового Завета, созданы, очевидно, для «модернизации» канонического перевода Библии. Они адресованы молодежи, которой, по мысли издателей, трудно воспринимать книжно-литературную и местами архаизированную речь канонического текста, и библейские макаризмы, производные в каноническом переводе от корня *блаж-*, полностью заменены в ней на производные от корня *счаст-*.

Однако понижение стилового регистра, как представляется, затрагивает не только «дух» евангельского слова, лишая его магического и «фасцинирующего» (Мечковская 1998: 45) воздействия, но и его «букву»: концепт «блаженство» в фидеистическом дискурсе и в религиозном сознании отнюдь не равнозначен концепту «счастье» в обиходной речи и в сознании «обыденном».

Счастье – это «гибридная категория» (см.: Воркачев 2004: 55; 2011: 258): понимается ли оно как «удовлетворение жизнью в целом» (Г. Рэшдолл) или как положительная оценка собственной судьбы – в любом случае здесь присутствует, с одной стороны, состояние духа субъекта, с другой – внешние обстоятельства, его определяющие. Любая из этих двух основных фелицитарных составляющих, в принципе, может отделяться от другой и гипостазироваться: счастье без своего субъективного момента – это удача, везение, фортуна, благополучие, оно же без своего объективного момента – блаженство. Концептуальная ориентация на объективный или субъективный моменты прослеживается в лексическом представлении счастья в древнегреческом языке и в латыни: «эвдемония» противостоит «макарии» как счастье блаженству у Аристотеля, для которого формула «счастливый и блаженный» отнюдь не была плеоназмом (Татаркевич 1981: 65), *felicitas* не совпадает с *beatitudo* у схоластов и отцов церкви.

Субъективная составляющая фелицитарных концептов в зависимости от темперамента человека и интенсивности переживания может колебаться от рассудочного удовлетворения до эйфории и восторга, однако более всего она близка чувству радости, тем более что зачастую счастье с ним просто отождествляется: «Счастье есть состояние устойчивой радости» (Лейбниц 1984: 419); «Ра-

дость и счастье не различные состояния; они отличаются только тем, что радость связана с переживанием единичного факта, а счастье, можно сказать, постоянное и нераздельное переживание радости» (Фромм 1993: 147).

Можно предполагать, что субъективная, «макарическая» составляющая фелицитарного концепта может быть отождествлена с «чистой», сублимированной радостью, из семантики которой удалены пространственно-временные характеристики причины-объекта: блаженство, «нирвана» – это «златоблещущая вечность» (Г. Гессе), независимость от времени, и, тем самым, от страха и надежды.

В русских евангельских текстах *блаженный* и *блаженство* появились, очевидно, в результате перевода с древнегреческого языка на церковнославянский имен *макар/маκάρως* и *макариа/макаριότης*, соответственно (см.: Дьяченко 2000: 894; Дворецкий 1958, т. 2: 1046–1047). Этимологически *блаженный* / *блажен* – страдательное причастие от старославянского глагола *блажити* «почитать, хвалить» (см.: Шанский-Боброва 2000: 25).

Евангельские представления о блаженстве восходят, скорее всего, к сократо-платоновской фелицитарной концепции, воспроизведенной в учении стоиков, утверждавших, что единственным и самым верным источником счастья является добродетель: *in virtute jure posita est vera felicitas* – «в добродетели по праву находится истинное счастье». В христианской доктрине место добродетели занимает праведность как неуклонное следование божественным законам и «заповедям Господним», приводящая верующих в состояние высшей духовной удовлетворенности и непрекращающейся радости: «исполнение нравственного закона и даёт нам блаженство» (ППБЭС 1992, т. 1: 346). Естественно, полное и ничем не омрачённое блаженство на грешной земле недостижимо, оно «принадлежит будущему состоянию, когда окончательно будет совершена победа над адом и смертью» (БЭ 1989: 94), вот почему его имя в религиозных текстах чаще всего сопровождается эпитетами «вечное», «небесное», «райское».

С другой стороны, в православии *блаженствами* называют и сами праведные деяния и воздержания (энкратии) от неправедных дел: *исполнитель дела блажен будет в своем действовании* (Иак. 1: 25). Девять «заповедей блаженства» провозглашаются

Иисусом в Нагорной проповеди в Евангелии от Матфея (Мф. 5: 2–11).

Адъективные лексемы, передающие блаженство в религиозном дискурсе, имеют полные и краткие формы и принадлежат тем качественным прилагательным, которые допускают видоизменение качества и превращение его в качественное состояние, причём полные формы обозначают постоянный признак, «мыслимый вне времени» (Виноградов 1947: 262–263) и легко субстантивируются: *блаженные* – «юродивые».

Блаженным является сам Бог – «*блаженный и единый сильный Царь царствующих и Господь господствующих*» (1-Тим. 6: 14–15), который блажен как обладатель высшего блага и праведен по определению: он не может нарушать заповеди, поскольку он сам их устанавливает. К числу блаженных относятся небожители – Богородица и ангелы, а также святые, стоящие на выходе к небу, блаженными поминаются «усопшие государи и высшие духовные лица» (Даль 1998, т. 1: 95).

Прижизненное блаженство труднодостижимо и несовершенно, но, тем не менее, возможно. Блаженство и праведность в определённом смысле – низшая ступень святости, награда за простое воздержание от нарушения божественных заповедей, в то время как состояние святости достигается сверхдолжными деяниями (Верещагин 2000: 245): «*любите врагов ваших, и благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего*» (Лк.: 6, 35). В православии блаженными называют «сокровенных святых, угодивших Богу втайне, в миру», и «тех святых, святость которых засвидетельствована перед Церковью не столько славою их собственных дел, оставшихся сокровенными, сколько свидетельствами других» (ППБЭС 1992, т. 1: 346). «Блаженными» в православии называют также юродивых – подвижников, избравших по наставлению апостола Павла (*если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым* – 1 Кор. 3: 18) особый путь спасения души: отказ от общепринятого образа жизни, скитальчество, добровольное нищенство и принятие образа человека, лишённого здравого ума. Культ блаженных и юродивых составляет специфическую черту православия и генетически связан с феноменом святости (Клибанов 1994: 73–90). Положение святых на выходе за орбиту земного свидетельствовало о том, что в несправедной земной действительности праведникам места не находи-

лось, отсюда разрыв с миром насилия, несправедливости и всяческой «кривды». Культ нищенства содержится в евангельских заповедях и притчах, он прописан в Нагорной проповеди: *блаженны нищие (духом)*, в апостольских посланиях: *корень всех зол есть сребролюбие* (1 Тим. 6: 10), в притче о Лазаре (Лк. 16: 19–26), который, в принципе, и является протагонистом Нагорной проповеди, поскольку принадлежит к числу «малых мира сего» – плачущих, кротких, алчущих и жаждущих правды и изгнанных за неё. Живя в мире, юродивый оставался внутренним отшельником, глас юродивых был народным гласом, через иносказания, невнятные бормотания и намёки, что в глазах верующих было свидетельством языка Святого Духа, юродивые прежде всего обличали пороки мира и сильных его (*ругание миру*). «Юродивому» в евангельских текстах соответствует древнегреческое *μωρός* «глупый, неразумный» (Дьяченко 2000: 845), и не случайно в русском фольклоре образ юродивого сближается с образом *Ивана-дурака*.

В случае эксплицитной дискурсивной реализации блаженства субъектом этической оценки выступает сам Господь Бог непосредственно или через своих пророков; объект этой оценки представлен пропозицией, отправляющей к поступку протагониста – действию, совершаемому им в условиях свободы воли и нравственного выбора, основанием оценки здесь являются этические нормы – соблюдение заповедей, оператор оценки представлен предикатом «блажен», а обоснование оценки – будущая награда за соблюдение этих норм – содержится в придаточном предложении, вводимом союзами цели, причины, следствия: *Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное* (Мф. 5: 3); *Блажен человек, который переносит искушение, потому что, быв испытан, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его* (Иак. 1: 12); *Се, иду как тать: блажен бодрствующий и хранящий одежду свою, чтобы не ходить ему нагим и чтобы не увидели срамоты его* (Откр. 16: 15).

Если же место протагониста в объектной пропозиции этической оценки занимает неодушевлённый предмет, то речь идет, очевидно, о метафоре: *Ваши же блаженны очи, что видят, и уши ваши, что слышат* (Мф. 16: 17); *Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие* (Лк. 11: 27).

Предикат *блажен* в речевом употреблении связан с именем концепта «БЛАЖЕННОСТЬ» в большинстве случаев отношениями ве-

роятностной выводимости: судить с достоверностью о блаженстве как состоянии «высшей духовной удовлетворенности и непрекращающейся радости» может только сам субъект, его испытывающий и передающий его в высказываниях от первого лица, для всех же других – сторонних наблюдателей – чужое блаженство всегда проблематично, и из того, что некто праведен, совсем не обязательно следует, что он что-либо испытывает по этому поводу.

Краткое прилагательное отмечено предикативностью «само, по самой форме своей» (Пешковский 1956: 224) и связано с грамматическим временем, оно выражает, «что признак в предмете пребывает непостоянно, является временным его состоянием» (Виноградов 1947: 270). Тем самым предикат *блажен*, как представляется, отправляет к единичному, разовому пребыванию в статусе праведника, представляющему собой лишь ступень в достижении качества *блаженный*: блаженство как состояние святости складывается из целого ряда активных нравственных поступков и воздержаний от греха и зла.

Список деяний, зафиксированных в библейских макаризмах, которые ведут человека к вечному блаженству и наследованию «Царства Божия», довольно обширен и включает разнородные и разнопорядковые поступки и помыслы.

Прежде всего, божественные заповеди, как и любой свод этических норм, содержат запреты и предписания, имеющие универсальный характер, следование которым приносит мирскую праведность и святость соответственно (см.: Верещагин 2000: 241–245), причём запреты провозглашаются главным образом в Ветхом Завете и касаются веропослушания и верности Закону, а евангельские предписания дополняют ветхозаветные Десять Заповедей христианскими верой, надеждой, любовью и «ублажениями» Нагорной проповеди.

Залогом блаженства, доступным для любого верующего, является «воздержание» (Гал. 5: 23) от греха: **Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных, и не сидит на собрании развратителей** (Пс. 1: 1); **Блажен человек, которому Господь не вменит греха, и в чьём духе нет лукавства** (Пс. 31: 2); **Блажен муж, боящийся Господа и крепко любящий заповеди Его** (Пс. 111: 1); **Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем. Блаженны хранящие откровения Его, всем сердцем ищущие Его** (Пс. 118: 1, 2); **Блажен всякий боящийся Господа, ходя-**

ций путями Его (Пс. 127: 1); *Итак, дети, послушайте меня; и блаженны те, которые хранят пути мои!* (Пр. 8: 32); **Блажен** человек, который слушает меня, бодрствуя каждый день у ворот моих и стоя на страже у дверей моих! (Пр. 8: 34); *А Он сказал: блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его* (Лк. 11: 28); **Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами** (Откр. 22: 14).

Безусловно праведным и даже, наверное, «сверхдолжным» (Верещагин 2000: 245) является следование библейским предписаниям, требующим активных нравственных действий: **Блажен, кто помышляет о бедном! В день бедствия избавит его Господь** (Пс. 40: 2); **Блаженны хранящие суд и творящие правду во всякое время!** (Пс. 105: 3) *Кто презирает ближнего своего, тот грешит; а кто милосерд к бедным, тот блажен* (Пр. 14: 21); *Кто ведет дело разумно, тот найдет благо, а кто надеется на Господа, тот блажен* (Пр. 16: 20); *Во всем показал я вам, что, так трудясь, надобно поддерживать слабых и памятовать слова Господа Иисуса, ибо Он Сам сказал: блаженнее давать, нежели принимать* (Деян. 20: 35); *Но кто вникнет в закон совершенный, закон свободы, и пребудет в нём, тот, будучи не слушателем забывчивым, но исполнителем дела, блажен будет в своем действовании* (Иак. 1: 25); *И блаженна Уверовавшая, потому что совершится сказанное Ей от Господа* (Лк. 1: 45).

Особенно значимы для понимания идеала христианского подвига «блаженства», формулируемые Иисусом Христом в Нагорной проповеди (Мф. 5: 2–11; Лк. 6: 21–22):

«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» – у этой максимы есть, по меньшей мере, три толкования: *нищие духом* – это смиренные, то есть, считающие себя недостойными, а поэтому стремящиеся святою жизнью удостоиться высших благ небесных (Дьяченко 2000: 46); *нищие духом* – это люди, искренне признающие себя духовными бедняками, ничего своего не имеющими и ожидающими всего от милосердия Божия (Иоанн Кронштадтский), и, наконец, *нищие духом* – это добровольно нищие, нищие по велению своего духа (см.: Мечковская 1998: 258).

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю: кроткие – значит спокойно претерпевающие всякое зло, причиняемое им людьми, охотно прощающие обиды людские и всячески доброжелательствующие врагам своим.

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся: алчущие и жаждущие правды – означает стремящиеся жить по христианским законам.

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут: милостивые – любящие ближнего.

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят: чистые сердцем – люди со спокойной совестью, а «жизнь, проходимая с неукоризненной совестью и со смирением, доставляет мир, спокойствие и истинное счастье» (Макарий Оптинский).

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

Блаженство достигается не только претворением в жизнь евангельских предписаний, но и стойкостью в вере, которая доказывается страданиями за неё: *Блаженны плачущие, ибо они утешатся – плачущие о грехах своих или чужих; Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство небесное – гонимые за веру и благочестие; Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня (Мф. 5, 4: 10–11); Блажен человек, который переносит искушение, потому что, быв испытан, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим его (Иак. 1: 12).*

Содержание заповедей носит нормативный, общеобязательный характер, и любой, соблюдающий запреты и предписания, достоин блаженства. Однако эти нормы знают исключения, поскольку блаженными могут быть и грешники – избирательно, по воле Господа, которая неисповедима: «Так и Давид называет блаженным человека, которому Бог вменяет праведность независимо от дел: *Блаженны, чьи беззакония прощены и чьи грехи покрыты; блажен человек, которому Господь не вменит греха» (Рим. 4: 6–8).*

Поскольку богоизбранность произвольна и не зависит от личных качеств избранника, она сопоставима со случаем, фортуной, удачей – мирским счастьем, относящимся к благам земным, что даёт основания утверждать, что «на языке Библии блаженный есть не что иное, как синоним счастливому» (архиепископ Кирилл): *Блаженны люди твои и блаженны слуги твои, которые всегда предстоят пред тобою и слышат мудрость твою! (3-я Царств 10: 8); Блажен человек, которого вразумляет Бог, и поэтому наказания Вседержителя не отвергай (Иов 5: 17); Блажен, кого Ты избрал и приблизил, чтоб он жил во дворах Твоих*

(Пс. 64: 5); **Блажен** народ, у которого Господь есть Бог (Пс. 143: 15); **И блажен**, кто не соблазнится о Мне (Мф. 11: 6); **Блажен** ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах (Мф. 16: 17); **Блажен**, кто не осуждает себя в том, что избирает (Рим. 14: 22); **Что стрелы в руке сильного, то сыновья молодые. Блажен** человек, который наполнил ими колчан свой! (Пс. 126: 5); **Блажен** тот раб, которого господин его придет найдѐт поступающим так (Мф. 24: 46); **Блажен** человек, который снискал мудрость, и человек, который приобрел разум! (Пр. 3: 13).

И, наконец, блаженство приравнивается к благословенности, если противозаконные деяния исполняются «во славу Божию»: *Дочь Вавилона, опустошительница! блажен*, кто воздаст тебе за то, что ты сделала нам! *Блажен*, кто возьмет и разобьѐт младенцев твоих о камень! (Пс. 136: 8, 9).

Таким образом, наблюдения над употреблением предиката «блажен» в канонических библейских текстах свидетельствуют о том, что в высказываниях универсального типа, содержащими формулировки заповедей, он функционирует как оператор положительной этической оценки, связанный с именем «блаженство» отношениями логической выводимости. В тех же случаях, когда высказывание отправляет к конкретным, единичным фактам и не представляет собой формулировку нравственного закона, «блажен» может быть семантическим синонимом «счастлив», сохраняя при этом свою стилистическую отмеченность.

В тексте «Книги Жизни» и «Слова жизни» лексемы «блаженство», «блаженный», «блажен», «блаженно» полностью отсутствуют, видимо, в силу своей «архаичности» и недоступности «молодежному» пониманию, их место занимают «счастье», «счастливый», «счастлив», «счастливо» соответственно. Однако если «счастлив» более или менее эквивалентно заменяет «блажен» в конкретно референтных высказываниях («Счастлива та мать, что родила Тебя и выкормила!»; «Ваш отец Авраам радовался при мысли, что он увидит Мой день, и он его увидел и был счастлив»; «Счастливы глаза, видящие то, что вы видите»; «Счастлив тот, кто будет пировать в Царстве Бога; «Наступает такое время, когда будут говорить: «Счастливы бесплодные, не рожавшие и не кормившие грудью!»), то этот предикат представляется несколько неуместным в высказываниях, содержащих фор-

мулировки заповедей: «Счастливы нищие духом: им принадлежит Небесное Царство»; «Счастливы плачущие: они будут утешены»; «Счастливы кроткие: им будет принадлежать весь мир»; «Счастливы те, кто жаждет праведности: они обретут её»; «Счастливы милосердные: с ними тоже поступят милосердно»; «Счастливы чистые сердцем: они увидят Бога»; «Счастливы те, кто несет людям мир: они будут названы Божьими детьми»; «Счастливы те, кого преследуют за праведность: им принадлежит Небесное Царство»; «Счастливы вы, когда из-за Меня люди будут оскорблять и преследовать вас и говорить о вас всякую ложь».

Сопоставление макаризмов в каноническом тексте Евангелий и в «модернизированном» переложении последних свидетельствует о том, что «блаженство» и «счастье» как различные ипостаси фелицитарного концепта в фидеистическом дискурсе не являются полностью взаимозаменяемыми хотя бы потому, что первое отмечено принадлежностью к религиозному сознанию и включено в систему специфически теистических ассоциаций и представлений, ослабленных или не существующих вовсе в общенародном языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин, Е. М. Об относительности мирской этической нормы // Логический анализ языка: Языки этики. – М., 2000. – С. 235–245.
2. Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М.-Л., 1947. – 613 с.
3. Влахов, С. И. Непереводимое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – М., 1980. – 342 с.
4. Воркачев, С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М., 2004. – 236 с.
5. Воркачев, С. Г. Базовая семантика и лингвоконцептология: на стыке парадигм гуманитарного знания. – Saarbrücken: Lambert, 2011. – 548 с.
6. Димитрова, Е. В. Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру: АКД. – Волгоград, 2001. – 16 с.
7. Клибанов, А. И. Духовная культура средневековой Руси. – М., 1994. – 366 с.
8. Лейбниц, Г. В. Сочинения: В 4 т. – Т. 3. – М., 1984. – 734 с.

9. Мечковская, Н. Б. Язык и религия. – М., 1998. – 349 с.
10. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956. – 511 с.
11. Татаркевич, В. О счастье и совершенстве человека. – М., 1981. – 367 с.
12. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000. – 261 с.
13. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода. – М., 1983. – 303 с.
14. Фромм, Э. Психоанализ и этика. – М., 1993. – 414 с.
15. Фрумкина, Р. М. Психолингвистика. – М., 2001. – 315 с.

Источники

1. БЭ 1989 – Библейская энциклопедия. – Korntal, 1989.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – СПб, 1998.
3. Дворецкий, И. Х. Древнегреческо-русский словарь: В 2 т. – М., 1958.
4. Дьяченко, Г. Полный церковно-славянский словарь. – М., 2000.
5. Книга Жизни: Сводный текст четырех Евангелий на основе современного русского перевода Нового Завета, изданный в сотрудничестве с христианскими церквями СНГ. – Минск, 2000.
6. ППБЭС 1929 – Полный православный богословский энциклопедический словарь: В 2 т. – М., 1992.
7. Слово жизни: Новый Завет в современном переводе. – St. Petersburg, 1993.
8. Шанский, Н. М. Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. – М., 2000.

Сергей Григорьевич Воркачѐв
Кубанский государственный технологический университет
2-й Севастопольский пр., 20, Краснодар,
350049 Российская Федерация
svork@mail.ru

Sergey G. Vorkachev
Kuban State Technological University
2 Sevastopolski pr., 20, Krasnodar
350049 Russian Federation
phone: +7 (861) 259 75 23